

Мира Хартвелл

ПРОПАВШАЯ
В ТУМАНЕ

Ты
следующая!

ЕЛ
М
ВЕРОНИКА А
ОС
КЛ
Д

Мира Хартвелл

Пропавшая в тумане

«Автор»

2026

Хартвелл М.

Пропавшая в тумане / М. Хартвелл — «Автор», 2026

В Золотой Бухте знают: тихих дней не бывает — бывают тихие часы до первого посетителя. Элеанор Хейс, хозяйка книжного «Вторая глава», успевает допить кофе, погладить кота и принять фургон с межбиблиотечными заказами, когда на прилавке оказывается ящик, который никто не заказывал. Внутри — три старых детектива, список из двенадцати имён и записка: «Ты следующая». «Пропавшая в тумане» — вторая книга цикла «Золотая Бухта»: здесь загадки распутывают всем городом, чай наливают страдающим, а долги по чтению взыскивают надёжнее денежных. История о том, что ждать — не впустую, возвращаться — не стыдно, а слушать — единственный правильный способ искать человека.

© Хартвелл М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 — вторник — тихий день	5
Глава 2 — дорога в Данидин	9
Глава 3 — закрытое поместье	13
Глава 4 — отражение в витрине	17
Глава 5 — двенадцать хранительниц	21
Глава 6 — зимний рынок	25
Глава 7 — допрос и две редакции	29
Глава 8 — секатор отца	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пропавшая в тумане

Глава 1 — вторник — тихий день

Книжный «Вторая глава» Элеанор Хейс открыла на полчаса раньше обычного. Межбиблиотечный фургон обещал подойти к девяти, а водитель Сэм никогда не ждал дольше пяти минут и однажды уехал, оставив накладную под ковриком у двери. После того случая Элеанор ставила будильник с запасом и заодно приносила с собой кофе в стакане: сконами она себя давно не мучила, потому что после «того воскресенья», о котором в магазине договорились не вспоминать, выпечка в этих стенах была только покупная.

Ключ провернулся с шелчком, который в пустом зале прозвучал громче положенного. Пахло бумагой, старым деревом и мылом для пола, которым зимой поделилась Джесс из своей кофейни, а сквозь щель под дверью тянуло солью и дрожжевым тестом: за стеной уже гудели печи пекарни «Тёплая бухта». Настольная лампа легла светом на прилавок, и в этом свете плавали первые пылинки нового дня.

Барнаби встретил хозяйку у порога с видом совладельца, которому не доложили о ночной смене. Он обнюхал сапоги, недовольно фыркнул на холодный камень и вернулся на стопку писем от слушателей подкаста, накопившую за зиму две дюжины. Старушка из Данидина благодарила за выпуск про формуляры, рыбак просил посоветовать книгу для жены, девочка из Окленда прислала рисунок кота в полицейской фуражке, а три конверта сразу требовали вернуть в конец каждого выпуска фирменный фырк, потому что без него подкаст — десерт павлова без сливок. Одно письмо Элеанор отложила отдельно, чуть правее лампы: читатель спрашивал, что за очередь она обмолвилась в прошлом выпуске. Отвечать пока не хотелось, и она спрятала письмо под стопку. Барнаби немедленно улёгся на стопку целиком — почта под котом считалась защищённой, охранялась бесплатно и с достоинством.

За прилавком уже стояла Сара Квин в шерстяном жилете, который ей одолжила Джесс, и расставляла детективы так сосредоточенно, будто от порядка на полке зависело расследование. За два месяца после фестиваля урожая испуганная приезжая с чемоданом на колёсиках превратилась в продавца, к которому дети неслись за «чем-нибудь страшным, но не очень», а рыбаки — придержать кулинарный журнал. Агату Кристи Сара держала на уровне глаз, а Нуайо Марш, свою землячку из Крайстчерча, поставила на видное место и теперь гладила корешки осторожно, как человек, который только учится доверять вещам. Улыбалась она реже, чем осенью, зато слушала внимательнее, и в этом было больше доверия, чем в прежней улыбке.

Табличку «Вторник — тихий день, говорим шёпотом, истории предлагаем громко» Элеанор повесила на дверь и включила лампу с зелёным абажуром, доставшуюся от старого мистера Абернети. Табличка появилась после того, как в один вторник трое слушателей по очереди предложили ей распутать одно и то же дело, а четвёртый принёс улику в банке из-под мармита. Банку Элеанор до сих пор держала в подсобке — пустую, на память.

Ввалилась Маргот без стука, с корзиной груш от соседки Грейс, в перчатках разного цвета и с новостью, которую несла так торжественно, будто это бочонок первого вина. Грейс держала сад через два дома, выращивала фрукты назло морозам и раздавала урожай всем проходящим, сопровождая каждый плод напутствием. Корзина встала на пол, Маргот стряхнула с плеча крошки и сообщила: совет утвердил её главным хранителем винной библиотеки поместья, а Джош с этого дня числится её официальным учеником, с записью в трудовой книжке. На пороге она споткнулась, выругалась сквозь улыбку и объяснила, что колено напоминает о себе перед дождём и перед визитами врачей, а вторых она в свои планы не вносила.

Фургон подкатил к дверям ровно в девять. Сэм втащил три связки заказанных книг, шлёпнул накладную на прилавок и укатил раньше, чем Элеанор успела предложить ему имбир-

ный сбор с мёдом. Накладную она проверила дважды, сверила каждую позицию и нашла приписку на полях, выведенную твёрдым карандашом: «Ящик чужой, не вскрывать, везти бережно». Сэм не писал на накладных никогда — соседи по гавани могли подтвердить под присягой. Раз написал, значит, ящик напугал даже человека, который двадцать лет возил книги по скользкому шоссе и не боялся ничего, кроме пустых фляжек на пассажирском сиденье.

Помимо заказанных книг в фургоне был и второй ящик — незаказанный: перевязан синей бечёвкой, подписан крупным почерком — «Хранительнице, именно ты следующая в очереди». Сара побледнела так, что Элеанор усадила её в кресло у лампы, взяла за руки и сказала прямо: «Сара, я вижу, тебе страшно. Мне тоже страшно. Давай бояться вместе, а потом разбираться вместе». Голос прозвучал ровно, хотя в груди у Элеанор что-то ёкнуло, и собственный шёпот показался ей громче колокольчика над дверью.

Ножницы у обеих Маргот отобрала и вскрыла ящик сама, потому что не терпела промедления перед главным, а Сару придержала за локоть, чтобы чувствовала опору. Внутри лежали три старые книги в потёртых суперобложках, пахнувшие подвалом и чужим табаком, а сверху — сложенный вчетверо тетрадный лист со списком из двенадцати имён. Третьим значилась Молли Квин, сестра Сары, пропавшая три месяца назад в Данидине. Первым — имя женщины, которую Элеанор знала как тихую вдову с набережной, постоянную клиентку раздела «романы о путешествиях». Сара села на табурет так резко, что Барнаби поднял голову и укоризненно дёрнул хвостом, а Маргот присвистнула и заметила, что список похож на команду для эстафеты, где никого не предупредили о дистанции.

Верхнюю книгу Элеанор раскрыла на форзаце и увидела ту самую надпись, с которой всё началось осенью, только выведенную другой рукой — спокойной, округлой, с завитушкой на букве «ю». Почерк был незнакомый, уверенный, и в его ровности чувствовалось что-то неприятное, как в идеально прямом ряде забора на крутом склоне.

Следом в магазин влетела Джесс О'Коннор вместе с запахом корицы, который принесла на шарфе. Увидела ящик и объявила, что тихих дней не бывает, бывают тихие часы до первого посетителя, и их надо прожить сытыми. На подносе у неё были кулебяка с мясом, ванильные рожки и овсяное печенье с розмарином. «Ты мне как дочь, Сара, — сказала она с порога. — Голодной не отпущу. Так мой Падди говорил, и он был прав». Тут же она водрузила на прилавок толстую тетрадь с надписью «Книга спасибо»: долговую книгу кофейни она переписала с чистого листа, и первой строкой на доске почёта уже красовался Билл Маккензи с пометкой «вернул за булочки дважды, просил не считать». Сара, к собственному удивлению, взяла кусок кулебяки и почувствовала, как в горле чуть отпустило.

После неё заглянул Хеми Ропата, стряхнул с фуражки морось и положил на прилавок ламинированную карточку «Правило трёх проверок». Карточки он выдал всем присутствующим; для Барнаби отдельной не нашлось, поэтому коту досталась общая, с рукописной припиской «миску проверяй трижды». Кот прочитал карточку глазами человека, который правил не признаёт, и отвернулся к письмам. Хеми попросил ничего не трогать до приезда эксперта — кроме угощения, которое разобрали быстрее, чем он договорил.

Стеллаж для новых книг втащил Джош Барретт, ученик Маргот и лучший чинильщик стремянок в бухте. Он подмигнул Саре и предложил поспорить на плитку шоколада с хоки-поки, что в ящике есть двойное дно. Заодно отчитался: счётчик «на катер» в погребке Маргот дотянул до тридцати процентов, а Билл пообещал добавить недостающее из своих сбережений, если ученик возьмёт его в первый рейс. Джош старался выглядеть храбрым, но глаза выдавали чистое любопытство — впрочем, в двадцать четыре года это одно и то же.

Всё это снимала на телефон Хлоя Пак для рубрики «Тёплая Бухта», приговаривая, что подписчики обожают распаковки. Дэниел Рейес держал для неё отражатель и делал вид, что зашёл только за книгой о нативных папоротниках; у него в кармане лежал только что подписанный заказ совета на восстановление посадок северного склона, а на куртке — новенький бейдж

«официальный озеленитель», которым он гордился молча. Сару Хлоя уговорила на короткое интервью: три вопроса, три честных ответа, обещание ничего не вырезать. На третий вопрос — «что бы вы сказали сестре, если бы она стояла здесь» — Сара ответила после паузы: «Что очередь двигается, даже когда стоишь на месте». Хлоя выключила камеру, честно посмотрела на неё и добавила в блокнот пометку «не резать никогда». Распаковку ящика она заранее внесла в смету отдельной строкой и выбила у редакции двойной гонорар — торговалась она теперь профессионально, и Дэниел, наблюдая за этим, впервые за месяц произнёс длинную фразу: «С ней в джунгли не пойду».

От хостела «Причал» пришёл посыльный с судком чечевичной похлёбки и запиской от Прии: «Сара, держись. Мы все за тебя. Если понадобится тихая комната для чтения писем — хостел ждёт». Элеанор прочитала записку вслух, похлёбку разлила по тарелкам и пояснила, что дела при сытости разбираются лучше. Пахло тмином, и на минуту в магазине стало домашнему настолько, что Барнаби разрешил себе заднюю лапу расслабить. Посыльный — школьник постарше, из тех, что зимой подрабатывают развозкой, — взял за доставку плату натурой: один ванильный рожок и право послушать выпуск до всех.

Верхнюю книгу Элеанор взвесила для порядка на кухонных весах Джесс — они жили в подсобке, где та держала яблоки для своих слоёнок. Стрелка замерла ниже, чем положено книге такого формата, — словно половину страниц кто-то вынул и вложил другие. Маргот понюхала корешок, поморщилась и вынесла приговор: дешёвый столярный клей, от которого в её погребе давно бы плакали бочки. Элеанор провела пальцем по обрезу и подтвердила диагноз: страница внутри новее суперобложки, обрез машинный, свежий — блок заменён, и давно. Тогда Сара развернула тетрадный лист до конца и прочитала вслух приписку тем же спокойным почерком: «Передай дальше. Не оставляй у себя дольше месяца». Читала она шёпотом, голос дрожал, но каждое слово легло чётко, и спорить с ним не приходилось.

В магазине стало так тихо, что за окном различалось ровное гудение антизаморозковых вентиляторов на дальнем винограднике — те включаются сами, когда температура падает ниже двух градусов. Билл Маккензи, зашедший погреться, послушал и пояснил: гудят с трёх ночи без перерыва, значит, ночь выдалась морозная, и фургон Сэма полз по скользкому шоссе осторожнее обычного. Свой «журнал ветров и моторов» Билл вёл с точностью, с какой другие ведут бухгалтерию, — каждую ночь вентиляторов, каждый мотор в гавани и каждое опоздание фургона с точностью до минуты. Время включения Элеанор записала в блокнот: Хеми учил фиксировать всё, что включается само. Маргот хмыкнула, что у неё в погребе всё включается само, кроме помощника.

Двойного дна в ящике не оказалось — Джош перевернул его, постучал по дну костяшками и нашёл кое-что получше: выцветший штамп межбиблиотечного обмена с датой трёхлетней давности. Плитку он честно выиграл, разломил на всех, а самый большой кусок подał Саре со словами, что хранильницам положено лучшее. Хеми сфотографировал штамп, список и надписи, убрал телефон и уточнил: в Данидине есть констебль Ароха Нгахау, которая ведёт архив пропавших, и ей стоит показать этот ящик раньше любого аукционного дома.

Элеанор тем временем завела в журнале новую страницу и объявила, что с сегодняшнего дня в магазине открывается рубрика — очередь желающих хранить чужие тайны. В этот момент мимо витрины прошла тихая вдова Морин Донован. Она заглянула внутрь, увидела ящик на прилавке и изменилась в лице так, что Элеанор невольно отложила ручку. Морин тронулась дальше, даже не поздоровавшись, и пальто развевалось за ней слишком быстро для прогулочного шага. «Неожиданная бледность — обычно узнавание», — записала Элеанор в блокнот и запомнила время: десять минут двенадцатого.

На крыльцо она вышла следом, но за углом вдова уже скрылась, обронив вязаную перчатку. Перчатка была ещё тёплая; Элеанор подняла её, убрала в конверт и подписала датой. Конверт лёг в ящик с пробками — на самое видное место, потому что в конвертах дата важнее

содержания, так её учили в библиотечной школе. В магазине её ждало торжество: Барнаби чихнул от бумажной пыли, прыгнул со стопки писем прямо в пустой ящик, устроился на стружке и всем видом показал, что пост хранителя занят и приём резюме окончен. Первой рассмеялась Маргот, второй Джесс, а за ними все, включая Сару, — и тихий вторник кончился, не успев начаться, ровно как и предсказывала Джесс.

Диктофон подкаста «Одно маленькое убийство за раз» Элеанор включила в четверть первого и объявила внеплановый зимний выпуск. Каждого она попросила назвать одну книгу, которую тот доверил бы незнакомцу. Сара выбрала сборник рассказов о сёстрах и говорила тихо, но каждое слово падало чётко; Маргот назвала справочник винодела с собственными пометками на полях; Джош смущённо признался, что доверил бы только инструкцию к лодочному мотору, потому что там хотя бы всё по пунктам. Про фырк в конце выпуска Элеанор объявила принятым к рассмотрению — контракт кот ещё не подписал, но уже запросил оплату натурой.

Все названия Хеми записал в блокнот, пообещал прогнать список из двенадцати имён по своим каналам и напомнил, что до проверки ни одна книга из магазина не уезжает. Про себя он добавил, что дочери в Данидине напишет вечером: та просила рассказывать «всё подряд», а сегодня как раз было всё подряд. Джесс в ответ объявила книжную лотерею, а выручку отдаст в фонд выкупа её кофейни — город собирает эти деньги всем миром ещё с осени, и Джесс до сих пор краснеет, когда принимает помощь. «И не спорьте, — добавила она. — Я так хочу, и точка». Прия передала через посыльного, что вечером в хостеле примерка вязаных шалей к Матарики, а доктор Пател оставил на прилавке записку и грелку: «Хранительнице. Согревает не хуже слов. Держитесь».

Крышку Элеанор опустила на место, сверху водрузила Барнаби — как печать, гербовую и недоверчивую, — и сказала, что хранитель у тайны теперь есть, осталось понять, кто стоит в очереди за ним. Дымка за окном рассеялась, и в позднем солнце корешки на полках «Второй главы» блеснули, как маленькие обещания, которые магазин, в отличие от людей, привык выполнять.

Глава 2 — дорога в Данидин

Ранним утром следующего дня старый пикап Маргот, нагруженный шальями Прии и картами Элеанор, выехал из Золотой Бухты по скользкой после заморозка дороге. Воздух пах солью и холодным железом, дворники стучали в такт мотору, и поездка с первых километров пахла началом, а не тревогой. В кузове лежали карты в тугом рулоне и шали в холщовом мешке с сушёной мятой — Прия заботилась о тепле даже на расстоянии. На заднем сиденье Сара устроила ящик так, чтобы книги не ерзали, и через каждые десять минут трогала его рукой, как медсестра проверяет пульс спящего. Когда на повороте шали всё-таки съехали, она поймала их на лету одной рукой и только потом поняла, что успела испугаться.

За руль села Маргот, потому что зимнюю трассу доверяла только себе и утверждала, что чувствует гололёд подошвами через педали лучше любого прогноза. В зеркале заднего вида Элеанор следила, как она прищуривается на затяжных поворотах, — с той сосредоточенностью, с которой обычно слушают вино в бокале. Рядом с водителем устроилась Элеанор с блокнотом, куда накануне переписала двенадцать имён из тетрадного листа. Сара позади перечитывала приписку про месяц хранения и водила пальцем по буквам, потом достала старое письмо сестры и держала их рядом: почерк Молли был аккуратный, почти каллиграфический, и приписка на листе, хотя бы и красивая, была выведена другой рукой — Сара поняла это раньше, чем сама себе призналась.

Барнаби остался в магазине под присмотром Джоша, который поклялся кормить кота по расписанию и вести журнал каждого фырка для будущих выпусков. К выезду из бухты в чат уже прилетело голосовое: «Первый фырк в шесть сорок. Барнаби одобрил курицу». Элеанор улыбнулась и подумала, что кот стал единственным слушателем, который никогда не просит пересказать.

Дымка над побережьем рассеялась через полчаса, открыв серые холмы Отаго с редкими овцами, рассыпанными по склону, будто пуговицы со старой шубы. Вентиляторы на виноградниках вдоль трассы стояли молча: ночной мороз отступил, и лопасти блестели инеем в низком солнце. У въезда на трассу висел свежий баннер зимнего рынка Матарики — Линда Кроуфорд вешала его лично, криво, и весь город дружно делал вид, что так и задумано. Указала Маргот подбородком на один из вентиляторов и заметила, что зимой эти машины гудят чаще, чем люди разговаривают.

Диктофон Элеанор включила на ровном участке и надиктовала первую дорожную заметку: время выезда, номер фургона из накладной, вес верхней книги, запах клея на корешке. Голос она держала ровный, с той интонацией, которой учила слушателей отличать факт от предположения, а файлы подписывала шифрами, как в библиотечной практике, — Маргот называла это «бухгалтерией для подкаста», но всё же продиктовала в микрофон температуру за бортом. У развилки, где обычно тормозят междугородние автобусы, говорила она, стоит остановка, и остановка — тоже свидетель, если уметь спрашивать.

На старой заправке Маргот купила всем по горячему шоколаду и расспросила продавца. Тот, закутанный в три шарфа, сообщил, что автобус из Данидина прошёл десять минут назад, вздохнул о том, что зимой все спешат, и добавил, что спешка на гололёде до добра не доводит. Заправка пахла бензином и сухим деревом, над кассой висел календарь с портретами овец, по одному на месяц. Саре старик без объяснений вручил бесплатный блокнот — «за серьёзные глаза». Сара приняла его обеими руками, как принимают документы на границе, а Элеанор записала: «Продавец — свидетель привычки, блокнот — улика заботы».

По дороге Сара рассказала, что сестра два года проработала у букиниста Айзека Лоу: разбирала поступления, вела блог о первых изданиях и гордилась умением определить репринт по весу бумаги. Говорила она тихо, а пальцы сами повторяли движения, которыми Молли про-

веряла книги, — кончиками, с нажимом на форзац. Маргот слушала не перебивая и вставляла короткие реплики о том, что бумага стареет, как вино: сначала теряет воду, потом честность. Элеанор перечитывала свои заметки вслух, чтобы услышать, где звучит правда, а где пока только надежда.

Магазин «Переплёт и пыль» стоял на тихой улице Данидина между прачечной и мастерской по ремонту зонтов — на третьей по крутизне улице города, как любил повторять Айзек, потому что самой крутой в мире была соседняя Болдуин-стрит, и даже книги там съезжали к подножию. Вывеска выцвела до оттенка старого табака, дверь открывалась с хрипом, будто ей самому неловко. Внутри холод сменился запахом старого клея, пыли и тёплой батареи; вдоль стен теснились стеллажи с рукописными ценниками, и каждая цифра была выведена с каллиграфической старательностью — даже цены здесь выглядели достойно. С улицы доносился гул студентов Отаго, шедших парами мимо окон с кофе и учебниками.

Из подсобки хозяин вышел с лупой на лбу и пятном клея на жилете. Поздоровался он так тихо, что Элеанор пришлось переспросить имя. Айзек Лоу слегка наклонил голову, словно извиняясь за собственную тишину, и предложил травяной сбор — хотя чайник, судя по слою пыли, не кипел уже несколько недель. Элеанор вежливо отказалась и отметила про себя: воздух в магазине живой, для букиниста это важнее любого напитка.

Список из двенадцати имён она положила на прилавок и спросила, знает ли хозяин хотя бы половину перечня. Минуту Айзек молчал, теребя край жилета, потом достал из-под прилавка толстую накладную книгу и дрожащими руками открыл её на странице трёхлетней давности. По накладной выходило: три книги из ящика действительно проходили через его магазин и были проданы вместе с партией винтажных вин Эшфорд человеку из аукционного дома Southern Vines. Имя покупателя значилось сокращённо; Хеми по телефону, которому Элеанор сразу отправила снимок страницы, расшифровал его за десять минут и назвал Ноа Хадсона.

В разгар осмотра позвонила дочь Хеми — похвасталась первым зачётом и попросила передать привет бухте. Суровый сержант расцвёл в динамике так, что даже Ароха, уже бывшая на место, впервые за день улыбнулась. Про вежливого скупщика в дорогих ботинках Сара вспомнила сама: сестра упоминала его в переписке, жаловалась на привычку торговаться после того, как цена согласована, и смеялась над ботинками, непригодными для грязи. Смеялась-то Молли, а в голосе Сары при пересказе слышалась усталость.

Свою тайну Айзек выдал почти сразу, глядя в пол: оригиналы он продал мимо кассы, потому что магазину грозило закрытие из-за долгов за аренду, а идеально выполненные репринты заказал у печатника, который тонировал бумагу отваром до нужного оттенка. Печатник уехал на север ещё весной, оставив после себя счёт за краску и запах скипидара в подъезде. Маргот пожала плечами: запах в подъезде — тоже улика, только медленная.

Остальные книги из той партии Айзек вынес из подсобки по просьбе Элеанор: ещё четыре тома с теми же потёртыми суперобложками, но заметно разного веса. Сара по очереди брала их в руки, закрывала глаза и безошибочно отделяла оригиналы от подделок — сестра научила её чувствовать разницу подушечками пальцев. С последним томом она не спешила, и когда пальцы сказали «подделка», лицо её на секунду стало довольным, как у отличницы у доски, — и тут же снова тревожным, потому что отличные оценки по чужой пропавшей сестре не ставят.

В магазин вошла констебль Ароха Нгахау, которую Хеми вызвал ещё из Золотой Бухты. Сняла фуражку, отряхнула с плеч капли дождя и попросила разрешения осмотреть накладную книгу в присутствии понятых. Дело Молли, сообщила она ровно, без упрёков, закрыли за отсутствием состава: взрослый человек вправе уехать без предупреждения. Зато теперь появились новые обстоятельства — подлог, а подлог по здешним меркам хуже пропажи, потому что его можно доказать. Из папки она достала дело толстое, отёкшее от вложений, — одна стра-

ница в нём была заложена синим стикером, и констебль перевернула её быстрее остальных, будто та была горячая.

Воду Арохе предложила Маргот, из фляжки, и получила вежливый отказ, зато блокнот с заметками, перевязанный вошёной бумагой с печатью «Медного чайника», констебль приняла. Элеанор показала ей штамп межбиблиотечного обмена на дне ящика; Ароха подтвердила, что фургон Данидин — Золотая Бухта ходит дважды в неделю и все рейсы фиксируются, после чего сфотографировала штамп, накладную и список, пообещала поднять архив заявок на розыск и попросила героинь не встречаться с Ноа Хадсоном без полиции. Сара спросила, можно ли считать сестру потерпевшей. Пока — свидетелем, ответила Ароха, свидетелем, который очень нужен следствию живым и разговорчивым. Сара выдохнула, будто ей вернули воздух.

Конверт всплыл в памяти Айзека внезапно, посреди разговора о накладных: Молли перед исчезновением оставила у него пакет с просьбой передать сестре, если та приедет. Из сейфа появился плотный пакет без надписей, а внутри — весы для писем, лупа и записка почерком Молли: «Проверяй вес, нюхай клей, верь пальцам, очередь не прерывай». Сара прижала записку к груди, рассмеялась сквозь слёзы и объяснила, что сестра всегда учила её через предметы, а не через нотации. Маргот обняла её за плечи и сказала то, что умела лучше длинных речей: «Будет, будет. Сестра у тебя боец, а бойцы возвращаются».

Проверить вес всех книг в магазине Маргот успела бы за час, но Элеанор остановила её и напонила про правило трёх проверок с ламинированной карточки. Ароха, услышав про карточки, одобрительно качнула головой и призналась, что выдаёт такие же стажёрам, только без кота на обратной стороне. Элеанор записала в блокнот: «Правило работает, если смешно» — и впервые за день поймала себя на том, что пишет уже не заметку, а план выпуска.

Перед выходом из магазина Элеанор задержалась у полки с классикой и спросила у Айзека, нет ли у него издания, которое Том считал лучшим детективом всех времён, — «Тайну сине-серых камней» она обещала зачитать в рубрике «Книги Тома» и поспорить с покойным мужем в прямом эфире. Айзек выдал том с библиотечным штампом, который отмывал ещё её предшественник, и наотрез отказался брать деньги: «Книги для памяти не продают — только дарят». Элеанор привыкла, что город торгуется вежливо, но расплачиваться признательностью всё равно получалось дороже, чем деньгами.

Перед отъездом Элеанор договорилась с Айзеком, что тот передаст полиции все накладные за последние три года и составит список покупателей редких изданий с адресами. Потёртую книгу о виноградарстве с пометками прежнего владельца Маргот купила за символическую цену — поддержать магазин честной покупкой — и решила, что место ей найдётся рядом с журналом купажей. На прощание Сара обняла Айзека, от чего тот съёжился, как от сквозняка, и пообещала вернуться вместе с сестрой.

Ароха проводила их до пикапа, записала телефон Элеанор и попросила присылать фотографии каждой новой надписи сразу, без ожидания. Дорога обратно заняла больше времени: дождь усилился, Маргот дважды останавливалась протереть фары и проверить крепление книг в кузове. На втором светофоре пискнул телефон: Линда Кроуфорд сообщала, что плановая проверка фонда назначена на следующую пятницу, папки у неё разложены по цветам радуги, и она официально просит героинь прийти на проверку — «как свидетелей, что я чиню, а не вору». Маргот прочитала вслух, хмыкнула: «Мэр, которая просит свидетелей. В городе кончилась политика, началась порядочность». Элеанор ответила согласием за всех троих. Ещё пришло сообщение от Хлои: сторис про поездку разобрали на кружочки, редакция пообещала эфир на выходных, а Дэниел прислал фото первых этикеток для северного склона — аккуратных, с якорем и папоротником. Сара всю дорогу держала сестрины весы на коленях и взвешивала на ладони воображаемую книгу, тренируя пальцы, и лицо у неё было уже не испуганное, а сосредоточенное.

В Золотой Бухте над набережной зажгли первые фонарики к Матарики, из кофейни доносились голоса, воздух пах мокрой солью и выпечкой. На приборной панели мигнул телефон: Билл сбросил в общий чат строчку из своего журнала — «день тихий, моторы спят, видел ворону, которая украла у чайки картошку фри», — и под ней подписал «для настроя». Вторую заметку Элеанор надиктовала у крыльца книжного: вес четырёх дополнительных книг, имя печатника, время встречи с констеблем, фраза Молли про очередь. Голос звучал устало, но ровно; Маргот слушала вполуха и в конце коротко подтвердила: запись состоялась.

У двери их встретил Джош с отчётом: Барнаби съел положенную курицу, проигнорировал диктофон и занял ящик из-под книг как личный штаб. Журнал фырксов насчитывал уже четыре записи — утреннюю, обеденную, вечернюю и одну внеплановую, поставленную за особую наглость. Счётчик «на катер» Джош перекрасил с тридцати процентов на тридцать один и пояснил, что это не прогресс, а честность: за вчерашнее пирожное с балкона погреба он себя оштрафовал. Потом он показал фото от Джесс: доска почёта «Книги спасибо» пополнилась вторым именем, и подпись под ним гласила «вернул за похлёбку, просил записать жену — она готовила». Сам кот вышел на крыльцо с видом начальника станции, проверил ящик носом и милостиво разрешил внести его внутрь.

Последним позвонил Хеми. Выслушав доклад, он сообщил: Ноа Хадсон остановился в хостеле Прии под чужой фамилией, но настоящим именем — Прия опознала его в книге регистрации и всё равно выдала ему самую тёплую комнату, потому что «платит за два полотенца и не скрипит половицами», а потом сообщила Хеми первой. Завтра Хадсон едет осматривать закрытое поместье Эшфорд. Сара при этих известиях побледнела; Маргот положила ей руку на плечо и пообещала, что завтра они пойдут туда все вместе, с картами. Элеанор закрыла блокнот, выключила диктофон и объявила, что вторую главу расследования считает открытой, а очередь — восстановленной. В салоне повисла тишина, в которой слышался только стук остывающего мотора.

Глава 3 — закрытое поместье

Утром после возвращения из Данидина над Золотой Бухтой поднялся резкий ветер: он срывал с растяжек первые выпелы Матарики и гнал по набережной сухую листву вперемешку с афишами зимнего рынка: одна афиша, кувыряясь, уцепилась за фонарь у книжного и висела там, как флаг нового сезона. Воздух пах солью, галькой, остывшей за ночь, и дальним дымом, где рыбаки сушили сети. На причале крачки кричали так, будто репетировали объявления к открытию. Элеанор шла к машине, придерживая блокнот, и думала, что ветер в бухте всегда приходит с новостями — надо только уметь читать.

Поместье Эшфорд встретило гостей закрытыми воротами, заиндевевшим плющом на ограде и тишиной, в которой отчётливо слышалось гудение дальних антизаморозковых вентиляторов. Снега не было, но иней лежал на ветках аккуратно, будто кто-то просыпал сахар из маленького ситечка. В щели ворот дул сквозняк с тонким свистом — почти такой же, как у старого свистка Тома, который тот носил в кармане пальто и терял каждую вторую неделю. Том любил говорить, что в каждой истории есть страница, которую перелистывают второпях. Элеанор собиралась найти именно эту страницу, и ветреное утро для такого поиска подходило идеально.

К воротам первым подъехал Хеми Ропата — служебная машина, фляжка, папка и выражение человека, приготовившегося ждать долго и никуда не спешить. Он вылез, потянулся и вспомнил наставника из Окленда, который учил его: «Протокол — это каркас, а люди — ткань. Каркас без ткани — это забор». В бардачке лежала записка от жены: «Не забудь молоко». Хеми улыбнулся и проверил рацию — в бухте даже детектив остаётся человеком, у которого дома кончается молоко.

Из пикапа Маргот вышла с корзиной, где под салфеткой лежали три бутылки её собственного вина для сравнения, лупа Сары и бутерброды Джесс в вощёной бумаге. Всю зиму в бардачке этого пикапа провалялся отцовский секатор, и Маргот, забирая его сегодня, пообещала себе вернуться из поместья с собственным решением — про вино, про библиотеку, про всё остальное. Отец говорил: «Вино — это разговор, а не крик». Разговор сегодня предстоял с людьми, которые улыбались слишком профессионально.

Письмо совета, разрешающее осмотр винной библиотеки в присутствии полиции и представителя аукционного дома, Элеанор несла в кармане пальто, а чистый блокнот — под мышкой. На скамейке у ворот кто-то оставил вязаный шарф, синий, с дыркой на конце: почерк Прии, она вяжет для всех и ничего не считает потерей. Элеанор осторожно положила шарф на сухое место и отметила, что на скамейке сидеть холодно, а помнить о людях — согревает даже через шарф.

Жилет Джесс Сара носила уже вторую неделю и выглядела бледнее обычного после бессонной ночи в хостеле, но ящик с книгами держала бережно, будто в нём лежали не тома, а спящие птицы. Ночью ей снилось, что сестра зовёт её из-под воды, и голос был тихий, как шелест страницы. Внизу хостела в это время гудел чайник Прии, и от этого звука просыпаться было легче.

Ворота открыл сторож Тед после звонка Хеми: долго изучал разрешение через очки на шнурке, пропустил всех и предупредил, что отопление в доме выключено с осени. Служил он в поместье двенадцать лет, знал каждую скрипучую половицу и угостил гостей из своей будки горячим шиповником — отказался только Хеми, находившийся при исполнении. Тед рассказывал, как Виктория Эшфорд в марте сама открывала ворота рабочим, а в апреле уже не помнила их имён, и говорил это без злости, как о погоде. На полке будки стояла фотография Теда с женой на фоне винограда; он взглянул на неё, выровнял рамку, которая за годы службы так и не научилась висеть прямо, и предложил ещё шиповника.

Мимо лоз Маргот прошла не сразу: остановилась, проверила подвязку на трёх кустах и похвалила покойную хозяйку за аккуратность, хотя хвалить Викторию Эшфорд ей было явно не по вкусу. Пальцы нашли старую проволоку, помятую в одном месте, и сама собой вспомнилась ферма в Отаго, где отец показывал, как вязать лозу: «Не души, давай дышать». В кармане звякнул секатор. На одном из кустов росла дикая роза, которую никто не сажал, и Маргот, глядя на неё, решила, что в бухте всегда найдётся что-то дикое, и это её утешает.

Дорожка к главному дому хрустела гравием и тонким ледком, а по обеим сторонам тянулись ряды обрезанных лоз, подвязанных с точностью, выдававшей руку прежней хозяйки. Воздух здесь был другой — плотнее, с запахом коры и мокрой земли. Сара у одного куста чуть замедлила шаг, будто узнала в нём знакомого. Элеанор не спросила: некоторые вопросы лучше держать в блокноте до момента, когда на них ответят охотно.

На крыльце группу ждал Ноа Хадсон в дорожных ботинках, покрытых пылью, с папкой под мышкой и улыбкой человека, привыкшего начинать разговор первым и заканчивать последним. Пыль на ботинках была странной — не дорожной. Маргот заметила и промолчала: в такие моменты полезнее слушать. Однажды на дегустации к ней подошёл человек с такой же улыбкой и предлагал «редкое» вино по «специальной» цене; она налила ему воды, и гость ушёл сам.

Всех по очереди представил Хеми, назвал Ноа полным именем и добавил вслух, что в хостеле Прии гость записался иначе. Улыбка у Ноа стала чуть уже, но не исчезла — тренированные улыбки умеют складываться вдвое. Папку он поправил двумя пальцами, и Хеми машинально посмотрел ему в глаза, как учили когда-то на курсах: у волнующегося человека руки бегают, а взгляд застывает.

Чужую фамилию, объяснил Ноа, он использует в поездках из соображений безопасности: возит каталоги с оценками, а оценки притягивают внимание, которое потом трудно с себя стряхнуть. Маргот хмыкнула так громко, что Тед обернулся, и отрезала, что в Золотой Бухте ненужное внимание притягивают только её розы, когда она обрезает их не по сезону. Потом она посмотрела на руки гостя — руки были чистые, ухоженные и ни разу за весь разговор не коснулись ни двери, ни перил. Руки человека, который не грузит ящики и не лазает в подвалы, подумала она без злости.

Внутри дом пах холодом, старой древесиной и пылью, а винная библиотека занимала целую стену гостиной: сотни бутылок за стеклом, рукописные этикетки, журнал купажей на отдельной полке. Элеанор раскрыла журнал на последней заполненной странице и нашла запись трёхлетней давности о продаже трёх ящиков винтажных вин вместе с партией книг. Запись сделана уверенной рукой с нажимом, подпись внизу — Дайаны Флетчер, осуждённой прошлой осенью за убийство Виктории. Элеанор отметила это красным карандашом; красный в холодной комнате выглядел слишком громко, но по-другому она важное не выделяла.

Подпись Дайаны Маргот узнала бы из тысячи — та тридцать лет вела накладные погребов и расписывалась с таким нажимом, будто бумага ей задолжала. Однажды Дайана приносила бутылку с извинениями за чужую ошибку в накладной, и извинения эти Маргот запомнила надолго: у аккуратных людей и извинения аккуратные. В остальном комната была честной: пыль на полках лежала ровно, и трогать её никто не трогал.

Свои бутылки Маргот достала из корзины, сравнила цвет пробки с пробками за стеклом и объявила: две бутылки в витрине закупорены не тем годом. Ноа возразил, что за три года пробки могли заменить при перезакупорке; Маргот покачала головой и объяснила, что перезакупорка всегда отмечается в журнале, а отметки здесь нет. Она говорила спокойно, но в голосе было железо, и спорить с железом Ноа не стал. Сара слушала, и в глазах у неё появилось что-то похожее на облегчение: у подделки есть почерк, а у почерка — след.

Книги на нижней полке рассматривала Сара — и вдруг позвала всех: между томами по виноградарству стояла старая книга с уже знакомой надписью на форзаце. Надпись выполнена тем же спокойным почерком с завитушкой на «ю», но чернила выглядели свежее, а под текстом

стояла вчерашняя дата, выведенная второпях. Хеми сфотографировал находку, надел перчатки и убрал книгу в пакет: вчерашняя дата превращает сувенир в улику и требует экспертизы. В гостиной стало так тихо, что шуршание пакета прозвучало как аплодисменты перед началом плохого спектакля.

При виде пакета Ноа побледнел, но быстро взял себя в руки и предложил показать каталог предстоящего аукциона, где три ящика вин Эшфорд значились главным лотом. Элеанор пролистала каталог до нужной страницы, сверила номера бочек с журналом купажей и обнаружила расхождение: одна бочка в журнале числилась списанной после заморозка. Маргот присвистнула и объяснила всем главное: списанное продавать нельзя, оно горчит и оставляет послевкусие мокрой коры, знакомое каждому виноделу. Каталог она потом пролистала ещё раз, медленно, и заметила, что писали его так старательно, будто вино само себя продаст, если красиво назвать год. У неё самой в молодости однажды ушла горькая партия; письмо покупателю она писала неделю, а покупатель прислал в ответ только «бывает» — это «бывает» она запомнила на всю жизнь и с тех пор подписывала накладные так, будто ей самой придётся пить каждую бутылку.

У двери Тед дождался паузы и добавил, что прошлой ночью слышал гул вентиляторов с трёх часов и видел свет в окне библиотеки, хотя дом пустует с осени. Хеми записал показания, уточнил время и попросил пока никому о свете не рассказывать, кроме полиции. По журналу Билла Маккензи, который вёл хронику ветров и моторов с точностью до минуты, гул в эту ночь включился в 02:57 — сторож слегка ошибся в пользу круглого числа, а журналы на то и журналы, чтобы округлять обратно. Тед выглядел так, будто всю жизнь ждал, что его наконец спросят, и теперь немного растерялся от счастья.

Вопрос Сары был прямым: бывал ли Ноа в доме раньше этой недели. Скупщик ответил, что впервые переступил порог сегодня утром вместе со всеми, и тут Маргот заинтересовалась происхождением пыли: на крыльце она серая, а на его подошвах — красноватая, характерная для подвала с суриковыми полами. Ноа растерянно хмыкнул и пояснил, что вчера спускался в подвал хостела Прии за чемоданом. Прию, вызванную Хеми по телефону, такие подробности только развеселили: полы действительно суриковые, но Ноа спускался туда однажды и без ботинок, в тапочках, — «я тапочки запомнила, у него с помпоном». В трубке засмеялись. В блокноте Хеми появилось слово «тапочки» с подчёркиванием.

Пауза после этого длилась долго: гудели за окном вентиляторы, тикали старые часы в углу гостиной, остановившиеся три года назад. Иногда тишина — тоже улика, записала Элеанор: часы в доме, где торгуют временем в бутылках, остановились ровно тогда же, когда ушли книги. Совпадение было красивым, а красивые совпадения она предпочитала проверять дважды.

Уезжать в участок для уточнения биографии и сверки каталога Ноа согласился с подчёркнутой готовностью, отдал Теду ключи от арендованной машины и попросил разрешения забрать из библиотеки перчатки. Перчатки нашлись не у входа, где их обычно снимают, а возле полки с книгами, и правая была вывернута наизнанку — так снимают второпях. Маргот подняла её за краешек двумя пальцами, понюхала и определила знакомый дешёвый столярный клей, тот самый, от которого в её погребке плачут бочки. Второй раз за две недели этот запах всплывал в правильном месте, и совпадением такое уже не называлось.

Перчатки Хеми упаковал отдельно, поблагодарил сторожа за наблюдательность и опечатал библиотеку до приезда эксперта из Данидина. Сара молчала до самой гравийной дорожки, прижимая к себе пустой ящик, а потом выдохнула главное: вчерашняя дата означает, что сестра жива и была здесь совсем недавно. Элеанор обняла её за плечи прямо на морозе и сказала, что теперь у них есть не только надежда, но и дата, свет в окне, гул вентиляторов и запах клея — а у надежды с такими союзниками хорошие шансы. Маргот догнала их у ворот, неся найденный за витриной обрывок вощёной бумаги от морковного торта Джесс, и поставила: кто-то ужинал в библиотеке прямо на полу. Хеми забрал обрывок в отдельный конверт — печать кофейни

поможет установить время покупки, время покупки назовёт покупателя, а покупатель обычно оказывается ближе, чем кажется.

К полудню группа вернулась в Золотую Бухту, где Джесс уже ждала с горячим обедом, а Барнаби — с холодным презрением к тем, кто уезжает без кота. Кот продемонстрировал обиду артистично: ушёл на подоконник, показал спину и изредка оборачивался, чтобы убедиться, что на него ещё смотрят. Обрывок Джесс изучила профессионально: морковный торт она печёт по четвергам, бумага её, а покупателя по тетради продаж вспомнит к вечеру, потому что торт «на вынос и сразу в дождь» заказывают немногие. Колокольчик с лодки Падди, висящий у двери, утром звякнул сам, без ветра, — Джесс сообщила это спокойно и улыбнулась: «Падди». Никто не посмеялся, и в этой сдержанности было больше уважения, чем в любой эпитафии. Саре Джесс поставила большую кружку какао и сказала, что пить надо всё, потому что «голодная надежда — это уже не надежда, а раздражение».

Пакет с книгой Хеми запер в машине, повесил на опечатанную дверь библиотеки табличку «продолжение следует» и подумал, что команда у него в бухте маленькая, но упрямая: кот, который охраняет почту, вдова, которая спорит с покойным мужем в эфире, и винодел, которая нюхает перчатки. Наставник из Окленда наверняка одобрил бы — и наверняка потребовал бы протокол. Протокол был: дата, свет, клей, тапочки. В маленьком городе улики прячутся в мелочах, и сегодня мелочи работали сверхурочно.

Глава 4 — отражение в витрине

После обеда у Джесс, где горячий суп с кумарой примирил всех с холодом поместья, Хлоя Пак позвала Элеанор и Маргот в подсобку кофейни — смотреть свежий материал для рубрики «Тёплая Бухта». В подсобке пахло корицей и мокрой шерстью куртки Дэниела, который принёс штатив. Над дверью висел колокольчик с лодки Падди, и он звякнул, когда дверь закрылась. Джесс говорила, что Падди любит, когда о нём помнят, а Элеанор подумала, что в бухте даже колокольчики участвуют в расследованиях — надо только научиться их расшифровывать.

Подсобка была завалена коробками с сезонным мерчем к Матарики, и среди них Элеанор нашла свой старый томик «Восточного экспресса» — подарок Тома на серебряную свадьбу. На форзаце он вывел мелким, почти библиотечным почерком: «Элеанор, читай медленно, убийца любит спешащих». Тогда она спросила, зачем, и он ответил, что убийца любит спешащих, а она — нет. Весь год они спорили о том, с какой главы читатель видит убийцу: Том ставил на полях красные галочки, она — синие, и к финалу книга напоминала карту метро. Однажды он притащил из антикварного магазина лупу и объявил, что теперь они будут проверять сахар на подлинность; она смеялась, а он серьёзно записывал в блокнот: «сахар — улика номер один». В тот вечер, когда Тома не стало, том лежал на его столе открытым на странице с пометкой «Убийцу видно с третьей главы». Она тогда решила, что это подсказка, и, в общем, не ошиблась — только адресат у подсказки оказался другой.

Кадр, который показывала Хлоя, был тёплый: набережная в огнях первых фонариков, Прия у входа в хостел развешивает шали и поправляет каждую складку, Дэниел устанавливает штатив с серьёзностью человека, запускающего спутник. Хлоя сняла пробный проход для рубрики и осталась довольна светом. Элеанор смотрела не на набережную, а на стекло витрины, мимо которой проезжала камера, и видела в отражении не улицу, а историю. Том сказал бы, что в каждом отражении живёт вторая история, — он вообще доверял стеклу больше, чем людям.

По экрану Маргот постучала ногтем и спросила, где здесь улика, ведь смотреть на собственную набережную она может и без телефона, прямо от погреба. Держала она телефон так, как держат пробку, которую подозревают. Вспомнился отцовский голос, учивший её ещё в юности, что хороший бокал сперва слушают, и она вдруг послушала экран, как послушала бы вино, — и фыркнула на себя за сентиментальность.

К моменту, где камера проезжает мимо книжного, Хлоя попросила всех смотреть не на улицу, а на отражение в стекле. В витринном отражении за спиной оператора виднелась фигура в тёмном пальто: человек держал книгу с белой суперобложкой и снимал на телефон вход в магазин. Элеанор попросила увеличить кадр, взгляделась и узнала пальто Ноа Хадсона, а суперобложку — одну из тех, что лежали в ящике хранительницы. Время на записи показывало вчерашний вечер, ровно за час до того, как фургон из Данидина привёз ящик. Скупщик изучал витрину заранее, и это уже было не совпадение, а рабочая поездка: он знал, что смотреть, и пришёл смотреть до доставки. Хлоя смущённо призналась, что не заметила мужчину: он стоял тихо и не портил кадр, а она в тот вечер думала о мамином рецепте, который когда-то выдала за свой, — о рецептах вообще легко думать, когда совесть играет в прятки. Элеанор вздохнула и вслух закончила мысль, которую ей подсказал полустёртый карандаш на полях: смотри не на улицу, а на стекло. Том бы поставил красную галочку.

Про ботинки фигуры рассказал Дэниел: он как раз выбирал себе зимнюю обувь, перемерил половину магазина в Данидине и теперь уверенно опознавал подошвы, как сапожник — лица. Такие, как у незнакомца, скользят на мокрой гальке, объяснил он и показал фотографию собственной подошвы, сделанную для памяти. Элеанор похвалила обоих и заметила, что невнимательность оператора иногда ценнее внимательности свидетеля: камера не умеет врать из вежливости.

Перед Сарой, которой показали кадр, Джесс поставила большую кружку какао. Сара побледнела и призналась, что вчера действительно видела тёмное пальто у витрины, но приняла незнакомца за позднего покупателя. «Пей, — сказала Джесс. — Испугалась — и правильно. Бояться не стыдно, стыдно молчать. Рассказывай». Потом она добавила уже деловито: поздние покупатели обычно заходят внутрь и покупают, а не фотографируют витрину с улицы. Элеанор про себя записала обе версии: у страха и у расчёта бывают одинаковые очки.

Через полчаса в кофейню приехал Хеми, посмотрел запись трижды, скопировал файл на свой носитель и оформил изъятие по всем правилам, с подписями понятых. Про телефон Ноа спросила Маргот, и Хеми ответил: в галерее нашлись снимки витрины, каталога и вчерашней надписи крупным планом. Все снимки, подчеркнула Элеанор, сделаны раньше, чем книга уехала в полицию, — значит, фотографировал тот, кто держал её в руках до опечатывания. Хеми согласился и добавил, что время снимков сходится со светом в окне библиотеки, о котором рассказывал сторож, с точностью до десяти минут. Время он теперь сверял по трём источникам, как по картотеке, — привычка, которую у него не отнять никаким начальством.

Арестом Сара поинтересовалась сразу, но Хеми покачал головой: снимки — ещё не проникновение, а проникновение ещё придётся доказать, и лучше, если доказательства придут в Данидин аккуратными, а не в спешке. Подошвы ботинок Ноа проверить предложила Маргот; Хеми ответил, что ботинки уже едут на экспертизу вместе с перчатками, а заодно попросил у Хлои исходник записи в максимальном качестве, потому что «полиция до сих пор смотрит видео в разрешении прошлого века». Хлоя пообещала прислать сегодня же и добавить тайм-коды на каждую секунду, где мелькает стекло, — у неё дома такие файлы подписаны, как у библиотекаря книги. Маргот осталась довольна собой и объяснила, что не следователь, а просто человек, который полвека смотрит, чего и сколько берут люди, — по покупкам видно больше, чем по лицам.

Свежий номер местной газеты Джесс развернула на стойке: на первой полосе красовалось объявление аукционного дома Southern Vines о главном зимнем аукционе года. Лотом номер один значились три ящика винтажного вина Эшфорд вместе с коллекцией книг по виноградарству из библиотеки поместья, а стартовая цена занимала целую строку и заставила присвистнуть даже Маргот. Элеанор прочитала вслух пункт о гарантии подлинности: продавец отвечает репутацией, посредник — кошельком. Мелким шрифтом приписано, что претензии принимают только до удара молотка, дальше — юристы, а юристы, как известно, никогда никуда не спешат. Маргот фыркнула, что за такие деньги гарантировала бы и погоду, но погоду гарантировать нельзя, а вино — можно, если знаешь пробку. Не успела газета долежать до второй полосы, как в кофейню позвонила Линда Кроуфорд: голос у мэра был празднично-политический, из тех, на которых держится бюджет. Аукцион на первой полосе её устраивал — покупатели придут, заночуют, купят слойки, — но ниже в той же газете, требовала она, завтра же встанет анонс зимнего рынка и конкурса пирогов, и желательно крупнее, чем аукцион. Джесс пообещала «крупнее и с фотографиями слоев», повесила трубку и сообщила, что теперь у неё есть личный стимул дожить до рынка, а заодно отвела в тетради продаж страницу под заголовок «слойки для новых лиц»: аукцион, предчувствовала она, поднимет спрос на всё, что посыпано сахарной пудрой.

Идею отдельного выпуска про аукцион подхватила Хлоя, а Дэниел вызвался показать зрителям, как отличить настоящую лозу от пересорта по почкам. Элеанор поддержала идею с одной оговоркой: в выпуске не должно быть ни ящика, ни списка, ни второй надписи, чтобы не спугнуть того, кто пишет третью. Сара вдруг вспомнила записку сестры — очередь нельзя прерывать — и спросила, что будет, если хранительница опоздает с передачей. Очередь — не поезд, она подождёт, ответила Маргот, а вот аукцион ждать не станет, поэтому сначала каталог. Тогда Хлоя, помолчав, сказала новость, которую, видно, держала про себя весь день: редакция согласилась на её условие, и в завтрашнем выпуске она впервые покажет лицо и назовёт мамин

рецепт её именем — та готовила его тридцать лет, а стыдиться дочке этого рецепта теперь кажется смешным. Дэниел молча придвинул ей блюдо с нарезанной кумарой — у него это вместо аплодисментов. Элеанор поймала себя на том, что хочет увидеть этот выпуск ничуть не меньше, чем результаты экспертизы.

Уезжая, Хеми сообщил, что завтра утром едет в Данидин к Арохе сверять две редакции каталога: ту, с которой ездил Ноа, и ту, что хранится в аукционном доме. Элеанор приложила к поездке копии надписей для почерковедческой экспертизы, Маргот — образец клея с корешка в спичечном коробке. Джесс упаковала для констебля слойку с яблоком, Прия передала судок с похлёбкой, а доктор Пател, заглянувший за имбирём, оставил баночку мёда со своей пасеки и заметил, что констебли тоже люди и тоже простужаются. Сара вышла проводить Хеми до машины и попросила передать Арохе её весы на время — пусть эксперт сравнит их с весами из пакета Молли. Никаких встреч с Ноа, никаких ночных библиотек без полиции, напомнил Хеми на прощание, и по тону было слышно, что повторяет это в третий раз и готов повторять четвёртый. Заглянул на минуту и Джош — доложил, что магазин цел, Барнаби переехал с писем на стопку свежих кроссвордов и не подпускает к ним никого (на одном кроссворде уже стоит отпечаток лапы — соавторство), а счётчик на катер он сегодня не красил, потому что «совесть дороже процента», после чего утащил у Джесс две слойки по дружеской цене и был с почётом изгнан обратно на пост.

Вечером Элеанор надиктовала третью заметку: отражение в витрине, время снимков, расхождение редакций каталога, обрывок вощёной бумаги с печатью и крупная купюра из хостела Прии, разменянная за неделю вперёд. Маргот, слушавшая с дивана, вдруг села прямо: вощённую бумагу Джесс продаёт только тем, кто берёт торт целиком, а целиком берут редко. Элеанор немедленно позвонила в кофейню, и Джесс по книге заказов установила: вчера целый морковный торт купил мужчина в тёмном пальто и расплатился крупной купюрой. Хеми, которому доложили немедленно, добавил своё: купюру такого достоинства вчера же разменяли в хостеле Прии при оплате номера за неделю вперёд. Круг замкнулся так аккуратно, что Элеанор рассмеялась и продиктовала: очередь, кажется, начала выстраиваться сама, — а потом добавила, что Том сказал бы, будто так и задумано хорошим детективом, и не стала с ним в этот раз спорить.

Пока диктофон щёлкал, в подсобке разгорелся почти ритуальный спор о том, как правильно снимать отражения. Хлоя утверждала, что её учили держать камеру под сорок пять градусов, чтобы стекло не ловило блики неоновой вывески пекарни, и что это знание стоит дороже её диплома. Дэниел заметил, что в его деревне дед говорил иначе: улица врёт, а стекло помнит. Сара, которая до сих пор не могла поверить, что её увидела камера, предложила завести общий чат с названием «Отражения» — скидывать туда только кадры с витрин. Джесс ответила, что у неё уже есть чат «Падди звонит», куда она кидаёт фото колокольчика каждый раз, когда тот звякает без ветра, и участников в нём двое: она и её покойный муж в виде аватарки с якорем. Посыльный с бандеролью из Данидина как раз вошёл — колокольчик звякнул, и все посмотрели на него с необоснованной надеждой.

Историю колокольчика Джесс рассказала между делом, пока заваривала травяной сбор. Падди вешал его на корму, чтобы слышать, кто подходит сзади: в море, говорил он, главное — слышать. Однажды ночью колокольчик зазвенел, а на палубе никого не было; Падди вышел и нашёл дельфина, который толкал лодку носом, будто подталкивал к берегу. «Иногда колокольчик звонит не людям, а событиям», — сказал тогда Падди, и Джесс с тех пор в это верила всерьёз. Слушая, Сара крутила в руках лупу из пакета сестры и вдруг выпалила идею, которую носила в себе весь день: возобновить блог Молли. Та два года вела его с отзывами о первых изданиях, у блога остались читатели, а первая публикация от имени сестры — «колонка продолжается, у руля другая Квин» — стала бы посланием: мы идём, выходи. Джесс загорелась, Хлоя уже прикидывала макет, но Хеми, перед уходом, строго настоял: сначала Ароха. Публиковать послание пропавшей, не спросив полицию, — значит размахивать фонариком в тёмной

комнате, где прячется не только тот, кого ищут. Идею не убили, а заморозили до завтрашнего звонка, и Сара впервые за день засмеялась — от того, что у неё, оказывается, снова есть планы.

К отъезду Хеми в подсобке стало тихо. Хлоя показала черновик выпуска, где отражение в витрине наложено на кадр с набережной, и спросила, не слишком ли это похоже на клип. Клип — это тоже расследование, только с музыкой, ответила Элеанор. Маргот предложила добавить в выпуск звук колокольчика, чтобы зрители знали, когда приходит важная мысль, — так у рубрики появится собственный звонок. Все согласились, и Барнаби, дремавший на коробке с мерчем, фыркнул в такт, будто ставил подпись под решением, которое он в любом случае считал бы ошибочным. Уже на улице, под моросью, Маргот неожиданно призналась, что весь день ждала, когда стекло её подведёт: сорок лет она смотрела в бокалы и приучилась не верить отражениям — а оказалось, отражение как раз единственное, что не врёт. Элеанор ответила, что в этом и весь бухтский стиль: улики ходят тут открыто, просто никто раньше не считал их уликами, и на том, кто первым начнёт считать, город однажды сэкономит.

Глава 5 — двенадцать хранительниц

Список из двенадцати имён Элеанор переписала на доску в подсобке книжного крупными буквами, чтобы видеть целиком, а рядом прикрепила карту Золотой Бухты с вымпелами Матарики. Карта пахла старым клеем и солью. На обороте кто-то оставил карандашную пометку Тома: «Не забывай про возвраты». Том всегда считал библиотеку по тому, сколько книг вернули вовремя, и Элеанор, проведя пальцем по строчке, пообещала ему вслух вернуть все двенадцать — живыми, если под таким залогом вообще работают библиотеки. На доске были имена женщин, которые держали город на плечах, пока все думали, что город держится сам.

Третьим именем в перечне значилась Молли Квин, первым — тихая вдова Морин Donovan с набережной, а остальные десять принадлежали женщинам, которых Элеанор знала в лицо по формулярам за тридцать лет. Она даже помнила, как одна из них брала «Виноделие для чайников» и возвращала его с пятнами сока кумары, и как другая читала только детективы, но с последней страницы, — «чтобы злодей не давил». Формуляры — это тоже улики, они пахнут временем, и за тридцать лет Элеанор научилась читать их быстрее, чем некоторые читают книги.

Утром Маргот объехала половину адресов из списка на своём пикапе, развозя приглашения на собрание в погреб, споря с односторонним движением на набережной и сигналив знакомым рыбакам. Вернулась она с новостью: все десять согласились прийти, а три даже обещали маффины. В бардачке всю дорогу лежал отцовский секатор, завёрнутый в тряпку, — Маргот достала его на светофоре у рыбного прилавка, подержала в руке и убрала обратно. Разговаривать с отцом она собиралась не через инструмент, а через работу: она разложит на столе заседаний журнал купажей, и он всё увидит — он всегда видел её погреб насквозь.

Первой, за полчаса до назначенного времени, пришла вдова Морин — с банановым хлебом, завёрнутым в полотенце, и с книгой, на форзаце которой красовалась та же надпись спокойной рукой с завитушкой. Джесс, принимая хлеб, сделала над собой заметное усилие: чужая выпечка на её территории — это как чужой диагноз, слушать больно, но профессионально необходимо. Хлеб, попробовав, она признала «крепким, деревенским, не для слабонервных» и попросила рецепт, чем Морин была, кажется, тронута больше, чем всем собранием. Шла она медленно, будто проверяла каждую плитку набережной на прочность, и от её осторожности у Элеанор сжалось сердце: так ходят люди, которые привыкли, что у любых новостей плохие ноги. Элеанор встретила её у порога, приняла хлеб, а книгу положила на прилавок рядом с тремя томами из ящика — для сравнения почерка. Морин спросила, можно ли сесть у окна, достала из сумки носовой платок, вышитый её дочерью, и положила на колени. Молчание у неё было не пустое, а как у человека, который долго репетировал этот вечер.

К вечеру погреб Маргот превратился в зал собраний: вдоль бочек выставили стулья из кофейни Джесс, на бочке номер три расстелили скатерть, фонарики повесили раньше срока ради настроения. Свет падал пятнами, и на стенах танцевали тени виноградных лоз, нарисованных Маргот ещё в молодости на манере вымпелов. Пахло древесиной, старым вином и розмарином с сушильной полки. Проверя стулья, Маргот вспомнила, как отец в последний раз зашёл к ней в погреб и вымолвил: «Ты построила дом из бочек». Она тогда ответила, что дом — это люди, а он пожал плечами и ушёл, как умел только он, — не споря и не соглашаясь.

С супницей, двумя фляжками и подносом овсяного печенья в погреб въехала Джесс, провозгласив, что тайные общества без горячего супа долго не живут и быстро ссорятся. Под курткой на ней оказалась футболка «Падди навсегда», и она не стала делать вид, что надела её случайно. Колокольчик с лодки Падди над дверью звякнул сам, когда она входила, — «он

всегда звонит, когда приходит кто-то важный», — объявила Джесс, и никто не стал проверять это утверждение на других гостях.

Шалими и стопкой бумажных вымпелов запаслась Прия, раздавая всё это входящим, как будто зимний штаб открывался официально. Доктор Пател принёс фляжку с имбирным напитком, извинился, что может остаться лишь на час, и заметил, что имбирь помогает говорить правду, — на что Джесс осведомилась, сколько имбиря нужно для правды целиком, и Пател серьёзно ответил: «Хотя бы банка». Шали на стульях пахли сандалом, и погреб понемногу становился похож на то место, где можно рассказать то, что долго носишь. Хеми уже записал и это: в его опыте люди начинают говорить правду не от имбиря, а от того, что рядом кто-то разливает суп и зовёт по именам.

В штатском, у самой двери, расположился Хеми: присутствует неофициально, слушает внимательно, записывает только с разрешения собрания. Фляжку с водой ему дала Анна с подписью «пей, а не кивай». Глядя на женщин, рассаживающихся вокруг бочки номер три, он подумал, что они здесь — те самые старейшины, которых в Окленде учили его слушать, и что все важные протоколы этого города давно написаны, просто не его рукой.

У печки со своим журналом ветров и моторов устроился Билл Маккензи и пообещал фиксировать, кто вошёл и вышел, с точностью до минуты, — «для истории». Открыл журнал на чистой странице и начал рисовать схему расположения стульев. В прошлом году, сообщил он, такая же схема помогла найти пропавшего кота: кот, как выяснилось, приходил на фестиваль каждый день в 15:40 за песочным печеньем с мисо и тыквой, и по задержкам между входом и выходом удалось даже установить его любимый сорт. В бухте всё фиксируется, просто об этом не все знают.

Первой заговорила Морин. Со стула она поднялась медленно, будто со дна поднимала тяжёлое ведро, и рассказала историю клуба «Вторые экземпляры» от самого начала — тихим голосом со сталью внутри. Молли Квин предложила подругам по чтению складываться на редкие книги и винтажные вина, хранить общий фонд по очереди и вести учёт в школьной тетради, а очередь отмечать надписью в книге, которую невозможно перепутать ни с чем. «Ты следующая» означало не угрозу, а приглашение: получившая книгу становилась хранительницей фонда на месяц, а потом передавала всё следующей по списку. Сара спросила, почему ей, сестре, никто не рассказал хотя бы о существовании клуба, и Морин ответила, что Молли хотела рассказать сама — «когда перестанет казаться, что всё это игра». С той только разницей, что в игры обычно играют все вместе, а тут — по очереди. Фонд рос быстро: взносы вносили аккуратно, книги дорожали, а три ящика вин Эшфорд, купленные до скандала с продажей, превратились в главную ценность клуба. Морин говорила, и в комнате было так тихо, что слышно, как потрескивает печка.

Беда началась прошлой осенью, когда Айзек Лоу, нуждавшийся в деньгах на аренду, подменил два первых издания репринтами и продал оригиналы через Ноа Хадсона на сторону. Молли заметила подмену по весу бумаги, написала в общий чат предупреждение, а затем исчезла, забрав кассу клуба и тетрадь с настоящим списком. Сара слушала стоя, сцепив руки так, что побелели костяшки, и когда Морин закончила, Элеанор подошла к ней и прошептала: «Дыши. Мы рядом. Спрашивай что хочешь». Сара спросила одно: почему ей никто не позвонил раньше. Морин опустила глаза и призналась, что клуб поклялся не втягивать родных, чтобы не подвергать их риску, — клятву предложила она сама. Обещания — это тоже книги, однажды сказал ей Том; их нужно возвращать, даже с опозданием.

Тишину после признания нарушил Барнаби: запрыгнул на бочку номер три, уселся на скатерть и потребовал внимания так громко, что все рассмеялись. Смех разрядил комнату лучше любых речей, и Хеми попросил разрешения задать три вопроса по существу. Первый — о кассе: где она и кто видел её последним. Морин ответила, что кассу увезла Молли в Золотую Бухту, к Прии; состояла касса из банкнот, сложенных по годам взносов и перетянутых резин-

ками тех же цветов, что и вымпелы клуба. Второй — о чате: Прия подтвердила, что скриншоты с предупреждением Молли лежат у неё в телефоне с осени, и она их ни разу не перечитывала, потому что «боялась стереть случайно». Третий — о Ноа: видел ли его кто-нибудь из клуба раньше этой зимы. Руки подняли сразу три женщины: одна продавала ему вязанные носки, другая заметила, как он фотографировал чужие цены, третья заметила, что он улыбался так, будто знал секрет, который ей не расскажут, — по улыбке, в общем, всё было понятно раньше, чем по ботинкам. Хеми задал и четвёртый вопрос, тихий, как все его главные: кто получил фонд после Морин, если её месяц закончился. Морин ответила, что очередь ведёт тетрадь, а тетрадь у Молли, но передачу она помнит точно — коробку забирала женщина в жёлтом дождевике, с серьгой-кольцом в левом ухе и смеющимися глазами, и бросила тогда только: «Не волнуйся, я читаю быстрее тебя». Примету Хеми записал и подчеркнул дважды: в городе на двенадцать тысяч жителей женщина в жёлтом дождевике — это не аноним, это почти адрес.

Записав ответы, Элеанор подчеркнула совпадения и объявила: с этого вечера клуб выходит из подполья и действует открыто, под защитой полиции. Маргот добавила, что погреб становится официальным штабом, а бочка номер три — столом заседаний, и никто не возразил: лучшего стола в бухте всё равно нет. Тут же на бочку встала жестяная банка с наклеенной бумажкой «на катер Джоша: 31%, подтверждено общественностью» — Маргот унесла её из погреба, чтобы город мог следить за прогрессом лично, и Джош, узнав, два дня делал вид, что его это не трогает, а счётчик перекрасил в два слоя. Джесс предложила назвать собрание «первым открытым чаепитием хранительниц», а выручку от маффинов направлять в фонд выкупа кофейни, который город спасает сообща. Прия вызвалась вести протоколы в отдельной тетради, Пател пообещал хранить копию в своём сейфе рядом с рецептами, а от мэра уже пришло сообщение: Линда просила включить «чаепитие хранительниц» в официальную программу Матарики, с фотографиями и «без тайных обществ на афише». Хеми закрыл блокнот, поблагодарил всех за доверие и напомнил, что открытость — лучшая защита, но ночные прогулки к поместью всё равно запрещены, и это, к сожалению, не обсуждается даже на празднике.

После собрания Сара подошла к Морин, обняла её и сказала: «Я злилась. А теперь не злюсь. Спасибо, что рассказали всё». Потом попросила показать книгу с надписью, чтобы сравнить завитушку с той, что стоит в ящике. Оба форзаца легли рядом: та же рука, те же чернила, та же спокойная завитушка на букве «ю». Элеанор сфотографировала страницы, отправила снимки Хеми и Арохе, а оригиналы убрала в сейф книжного до приезда эксперта. Уходящий Пател задержался у двери, вернулся и вложил в руки Сары пакетик с лавандовым сбором — «сон, мисс, лучший детектив: он видит то, что мы пропускаем», — и ушёл раньше всех, потому что в семь у него начинался приём. Уходящим Маргот раздала по яблоку из корзины соседки Грейс и объявила следующее собрание через три дня, в том же составе, с той поправкой, что теперь можно приходить не тайно, а с пирогами. Когда закрывалась дверь, колокольчик Падди звякнул ещё раз, и Джесс заметила, что это Падди одобряет состав.

На обратном пути в посёлок Маргот поймала себя на том, что снова проверяет бардачок с отцовским секатором, и усмехнулась себе: инструмент она доставала сегодня трижды, а работать им так и не пришлось. В юности отец учил её резать розы так, чтобы они не болели, и смеялся, когда она расплакалась над первой срезанной веткой. Теперь она резала не ветки, а очередность передач, и, если честно, дело это оказалось кропотливее садоводства.

Дома Элеанор не пошла спать сразу: подготовила к выпуску книгу, которую Айзек в конце концов отдал сам (книги для памяти не продают — только дарят), разложила на столе лупу Тома, том с полями в галочках и новый блокнот. Первая серия рубрики «Книги Тома» получалась на удивление весёлой — спорить с мужем в эфире оказалось легче, чем молчать на кухне. На полях она уже приписала синим: «с пятой главы, дорогой, и ты это знал».

За мытьём посуды в кофейне Джесс рассказала Хлое, что согласна на ролик про колокольчик — звук Падди поверх кадров набережной, — но попросила без фильмов: «Он при

жизни был без фильтров». Хлоя пообещала монтаж честный и призналась, что это будет её любимый эпизод рубрики, потому что в нём никто ничего не продаёт.

Собирая вымпелы после собрания, Прия предложила завести общий чат «Двенадцать хранительниц» — только фото форзацев и ничего личного. Элеанор поддержала, но попросила без эмодзи, чтобы не путаться в оповещениях; Маргот возразила, что один смайлик в виде винограда допустим, и победила единогласно, при одном воздержавшемся коте.

Поздно вечером Элеанор надиктовала четвёртую заметку: история клуба, признание Морин, скриншоты Прии, три свидетельницы против Ноа, женщина в жёлтом дождевике, решение о легализации и дата следующего собрания. За окном начали вешать последние фонарики к завтрашнему рынку — после ночного собрания толпа на набережной казалась ей теперь самыми честными протоколами города. Барнаби, услышав голос диктофона, фыркнул прямо в микрофон. Она засмеялась и оставила фыркание в записи: слушатели требовали его два месяца, и кот выдал его точно в нужный момент — у этого зверя было безошибочное чувство сцены. Иногда кот тоже ведёт протокол.

Глава 6 — зимний рынок

Зимний рынок на площади Золотой Бухты открылся в субботу треском петард и звоном колокольчика с лодки Падди, который Джесс повесила над своим прилавком. Лотки выстроились полукругом: у Джесс — выпечка, у Прии — шали и вязаные носки, у рыбного лотка — копчёный лосось и мидии, у Дэниела — венки из нативных зелёных веток, которые он наотрез отказался продавать «под пластик». Над площадью висело низкое зимнее солнце, жареные орехи у входа пахли так, что даже Хеми на минуту забыл про служебную нейтральность. Элеанор шла к своему лотку с книгами, придерживая стопку списанных томов, и думала, что рынок — это тоже расследование: каждый продаёт здесь свою историю, и иногда история бывает кривой.

Прилавок Джесс ломился от выпечки: слойки с яблоком, маффины с тыквой и кумарой, песочное печенье с мисо по рецепту мамы Хлои, которое теперь носило общий бренд и расходилось первым. Хлоя стояла рядом, снимала, как Джесс месит тесто, и шептала в микрофон: «Рецепт от мамы, но секрет — в любви». Она покраснела, когда Джесс услышала и потребовала указать автора хотя бы в титрах. Потом Хлоя призналась, что мама присылает ей голосовые с напоминанием не забывать про имбирь, и она хранит их в отдельной папке, как семейный архив. Элеанор подумала, что в каждой семье есть свой секрет, и иногда он прячется в тесте.

Конкурс зимней выпечки судили трое: доктор Пател, Билл Маккензи и девочка Лили Чжан, девяти лет, внучка владельца рыбного лотка, выбранная в жюри за честность — на прошлой ярмарке она публично вернула продавцу лишнюю сдачу в пятьдесят центов, и город запомнил. Пател пробовал каждый образец дважды, записывал оценки в блокнот и хвалил участников так щедро, что даже проигравшие расходились довольными. Билл судил по-морскому: отламывал кусок, нюхал, жевал с закрытыми глазами и выносил вердикт короткий, зато окончательный. Лили подошла к делу серьёзнее всех — составила собственную таблицу, выставила баллы и потребовала пересчитать итоги дважды; итоги сошлись, и она записала это в свою таблицу отдельной строкой «проверено». Потом подошла к книжному лотку Элеанор и поинтересовалась, проверяются ли там книги на честность. Элеанор ответила, что книги проверяются возвратами, и Лили внесла в таблицу строку «книги — тоже судятся». Под конец она поинтересовалась у Пателя, проверяется ли на честность само жюри, и Пател честно ответил, что итог проверяют судьи, а совесть — каждый в отдельности.

На конкурс Маргот выставила печенье ANZAC с айвой и розмарином, провозгласив, что розмарин в десерте — это риск, а риск в её возрасте — единственная доступная роскошь. Рядом встала корзина с булочками с корицей, накрытая салфеткой с вышивкой, купленной отцом на ярмарке в Отаго лет тридцать назад. Резать айву для начинки её учил тот же отец — «не торопись, дай ей раскрыться» — и руки, как это бывало всегда в таких случаях, работали быстрее памяти.

Книгами из списанных фондов торговала по соседству Элеанор, а Сара помогала ей: заворачивала покупки в крафт-бумагу и вкладывала в каждый свёрток вымпел Матарики от Прии. Один покупатель спросил у Элеанор, есть ли в книге о виноградарстве рецепт кекса с кумарой. Есть рецепт терпения, ответила она, и покупатель взял книгу, хотя, кажется, надеялся на обратное. К полудню у лотка остановился коллекционер из Данидина, в перчатках без пальцев, — купил сразу три детектива Нуайо Марш и спросил шёпотом, правда ли, что на зимнем аукционе будет винная библиотека Эшфорд. Элеанор ответила, что она книжный человек и про вино знает только то, что его пьют и иногда по нему опознают людей. Коллекционер рассмеялся, признался, что подписался на её подкаст ради таких формулировок, и ушёл довольный, а Элеанор записала в блокнот: слухи о лоте уже ходят по рукам — и за ними надо успеть раньше юристов.

Инспекцию провёл и Барнаби, приехавший в передней корзине: прошёлся по стопкам, выбрал ящик с ботаническим атласом и уселся туда с видом ревизора, согласного не закрывать лавку. Джош подошёл смазать петли у лотка, достал потрёпанную тетрадь и внёс в журнал фыркнов новую строку: «№ 41, общественный, при свидетелях». Барнаби для истории фыркнул второй раз.

Отражатель в руках Дэниела держал везде, где нужно: Хлоя сновала между рядами с камерой, снимала дым над жаровнями, интервьюировала торговцев и дважды чуть не уронила телефон в чан с горячим сидром. Сам Дэниел раздавал желающим семена нативных растений в бумажных пакетиках со своим штампом, рассказывая о посадках так, будто растения были его родней. Хлоя записывала его голос для выпуска и отправила ему сообщение «спасибо», на которое он ответил смайликом-папоротником: весь их роман пока держался на знаках препинания, и обоим это нравилось.

Весь рынок Джош чинил всё подряд: прилавков Прии, фонарики над сценой, замок на ящике для пожертвований. Счётчик «на катер» пополнился за утро сразу на три процента благодаря чаевым, о чём он честно записал на листке у сборной банки в погребе. В кармане у него лежал нож с якорем, подарок Билла, старый, с ручкой, вырезанной вручную; после каждого ремонта Джош вытирал им руки, и на лезвии оставалась смазка. Билл, подойдя вторым судебским кругом, посмотрел на это дело и заметил, что нож в хороших руках стареет медленнее хозяина. Джош ответил, что стареет как раз хозяин, а нож держится. Он кивал благодарным, но не улыбался: ему было всё ещё неловко за прошлые кражи, и Маргот, наблюдая со стороны, подумала, что у некоторых людей искупление выглядит как ремонт, и это лучше, чем когда оно выглядит как разговоры.

Рынок открыла короткой речью без бумажки Линда Кроуфорд: поблагодарила всех за спасение бассейна и объявила, что проверка фонда на следующей неделе пройдёт открыто, при свидетелях, и она лично пригласила всех желающих «посмотреть, как мэр краснеет за каждую строчку». Папки с отчётами лежали у неё в сумке, перевязанные лентами тех же цветов, что и вымпелы над площадью, — к проверке она готовилась, как к параду. Джесс она в конце поманила пальцем, и они переглянулись без слов: обе знали, что бассейн — это не просто вода.

В разгар торгов к прилавку Джесс подошёл мужчина в тёмном пальто: внимательно изучил ценники, будто сверял с собственным списком, купил целый торт с яблоком, расплатился крупной купюрой и попросил сдачу отдать в фонд бассейна. Джесс запомнила покупателя по ботинкам — дорогим и совершенно непригодным для рыночной слякоти — и по привычке фотографировать ценники вместо того, чтобы спрашивать. Ноа Хадсон, отпущенный Хеми под подписку, разгуливал по рынку свободно, рассматривал лоты и улыбался знакомым. Хеми, дежуривший в штатском, зафиксировал покупку, сверил купюру с той, что разменяли в хостеле, — номера сошлись, и это уже было не совпадение, а маршрут.

У лотка с новинками Элеанор первой поздоровалась с Ноа и спросила, нашёл ли он что-нибудь интересное. Ноа ответил, что ищет подарок партнёру по аукциону, любит первые издания, а запах старых книг действует на него успокоительно. Подошедшая Сара спросила прямо, не встречал ли он её сестру в Данидине прошлой осенью. Ноа посмотрел на неё внимательно и ответил, что с сёстрами деловых партнёров предпочитает не знакомиться во избежание путаницы. Ответ прозвучал гладко — слишком гладко, — и Маргот от прилавка с выпечкой заметила вслух, что такие ответы обычно скользят мимо правды, как масло по горячей сковородке. Она слушала не слова, а паузы, и паузы у гостя были репетированные.

Кусок торта «для партнёра, который обожает яблоки» Ноа купил с такой широкой улыбкой, будто ждал комплимента, и попросил завернуть с собой. Джесс завернула в вощёную бумагу с печатью кофейни, Хеми отметил время покупки — вторая вощёная обёртка за два дня была уже системой, — а Хлоя сняла всю сцену целиком, включая улыбку Ноа, жест Маргот

и руки Джесс. Дэниел тихо присвистнул: кадр сложился сам, как танец, в котором все давно репетировали, но никому не признались.

После ухода Ноа Элеанор собрала своих за прилавком и предложила разложить факты, как на формулярной полке: купюра из хостела, торт целиком, фотографии витрины. Хеми подтвердил, что все три факта ведут к одному человеку, но для задержания этого мало, а для наблюдения — вполне достаточно; наблюдение он возьмёт на себя, «если никто не будет ему мешать заботой». Джесс в тишине проверила тетрадь продаж: целый торт до вчерашнего брали всего дважды за год, оба раза в декабре и оба раза — для поминок, так что вощёная бумага с печатью, возможно, до сих пор лежит у кого-то между письмами. Линда, подошедшая за тортом, попросила держать её в курсе: аукцион касается репутации бухты, а репутация — её прямая должность. Морин, торговавшая по соседству вязаными носками, вдруг вспомнила, что видела Ноа летом на ярмарке в компании Айзека Лоу, и те долго спорили у палатки с книгами. Хеми записал показание, поблагодарил и попросил вдову не подходить к скупщику близко; потом купил у неё две пары носков — «жена просит, а я не спорю с людьми, которые видели больше меня». Морин мотнула головой с достоинством человека, который в этом городе вяжет носки дольше, чем Ноа носит дорогие ботинки.

К вечеру рынок подвёл итоги: конкурс зимней выпечки выиграла Прия со слойкой с карри, собравшей больше всех голосов, а выручка ярмарки почти довела фонд выкупа кофейни до четверти нужной суммы. Прие вручили главный приз — деревянную ложку с выжженной надписью «За риск» — и фартук, который Джесс вышила ещё в октябре «на всякий случай»: случай, как видите, наступил. Джесс объявила, что четверть — это начало, а начало — уже половина дела, и все засмеялись, потому что арифметика была женская, но правильная. Сара весь день держалась молодцом: считала выручку в отдельной тетради, улыбалась покупателям и лишь под вечер призналась Элеанор, что разговор с Ноа дался ей нелегко. Самые трудные разговоры обычно самые нужные, ответила Элеанор и налила ей горячего сидра из фляжки. Сара подержала кружку обеими руками, как в день, когда прибыл ящик, и сказала, что сестра наверняка гордилась бы её тетрадью учёта — у Квинов, кажется, учёт в крови.

По дороге домой Маргот развозила торты, шали и уснувшую на заднем сиденье Хлою, которая сжала камеру даже во сне. В пикапе пахло яблоками и кожей, из радиоприёмника шёл старый блюз — тот самый, под который отец когда-то чинил в гараже секатор. Маргот прибавила звук чуть-чуть, никому в этом не признаваясь.

У старого причала Маргот остановилась у Джесс, которая распродала остатки выпечки со скидкой. Хлоя проснулась, услышала про колокольчик — как Падди нашёл его на блошином рынке в Данидине, отдал три банки варенья, а в первый же вечер услышал звон: к лодке подплыл тюлень. «С тех пор у меня есть сторож», — сказал тогда Падди, и Джесс добавила, что колокольчик звонит до сих пор, когда кто-то думает о Падди слишком громко. Хлоя записала звук на телефон и пообещала смонтировать ролик «Колокольчик, который слышит» — первый в рубрике, где не будет ни слова про еду.

Пока они ждали, к прилавку подошёл подросток в футболке «Я люблю Золотую Бухту, но не её пробки» и спросил, можно ли купить маффин с кумарой за баллы школьной программы «Здоровая перемена». Джесс посмотрела на него, потом на включившую камеру Хлою и назначила цену: баллы принимаются, если клиент придумает мем про рынок. Подросток подумал и выдал: «Рынок — это как TikTok, только медленнее и с запахом». Площадь засмеялась, маффин достался бесплатно, а Хлоя вписала мем в блокнот с пометкой «цитата дня, не резать». К вечеру подросток привёл двух друзей, и у лотка стихийно открылся конкурс мемов; Линда, проходя мимо, остановилась, выслушала три лучших и потребовала передать ей авторские права на афишу — «юмор города должен работать на город». Мем про TikTok решили печатать с подписью автора, потому что подписи на афишах делают людей добрее.

Старые фото с Томом Элеанор перелистала в телефоне, пока ждала пикап: на одном он держит книгу и делает вид, что читает, а на самом деле слушает, как она спорит с ним о третьей главе. Она вслух представила, как он прокомментировал бы рынок: «Осторожно, здесь ложный след в виде скидки на слойки». Маргот спросила, что смешного, и, выслушав, ответила, что цена на яблоки — это тоже улика, только сезонная.

Последним сегодня уходил с площади Сэм, водитель межбиблиотечного фургона — пришел за слойкой, остался у огня. Джесс налила ему горячего сидра, взяла у него пустую фляжку и наполнила, а потом открыла «Книгу спасибо» и вписала новой строкой: «Сэму — за то, что возит чужие истории целыми». Сэм прочитал, крикнул и пообещал, что за такие слова он теперь и в метель будет ездить, но пусть это остаётся между ними и накладными. Заодно поделился новостью с маршрута: в межбиблиотечную службу поступил заказ из Данидина — двенадцать томов Нуайо Марш разом, с пометкой «срочно, для партнёра». Элеанор молча подняла брови: утром коллекционер брал у неё три, а теперь кто-то на юге строил из Марш целую стену. Сэм пожал плечами: заказы бывают странные, но двенадцать томов — это уже не чтение, это строительство.

Поздно ночью Элеанор надиктовала пятую заметку: купюра, торт, показание Морин о летней ярмарке, наблюдение за Ноа. Барнаби, услышав голос диктофона, фыркнул прямо в микрофон, и она оставила и это: следствие у кота получалось громче, чем у полиции.

Глава 7 — допрос и две редакции

Утром понедельника Хеми вернулся из Данидина с папкой, в которой лежали обе редакции каталога аукционного дома Southern Vines, протоколы осмотра телефона и заключение эксперта по ботинкам. Папка пахла типографской краской и чужим чемоданом. На обложке красовался свежий отпечаток пальца, и Хеми, водрузив её на свой стол, подумал, что любое дело начинается там, где кто-то трогает бумагу, не думая. Стол в участке был расчерчен царпинками, как школьная парта, и он это ценил: на идеальной мебели не о чем думать. Он разложил содержимое по краям, как пасьянс, и сел ждать, пока пасьянс сойдётся.

В кабинете Ноа Хадсон сидел так прямо, будто репетировал осанку перед зеркалом, и отвечал вежливо, подробно и совершенно безлико — как автоответчик с хорошим воспитанием. Адвоката аукционный дом прислал из Данидина за свой счёт: представился из фирмы, в названии которой было три фамилии и одна цена. Он записывал каждое слово и дважды просил занести в протокол уточнения о безупречной репутации клиента. Хеми смотрел на чистые руки адвоката и думал, что бывают люди, которые защищают слова, и бывают те, кто защищает человека; вторых на этом стуле он подождал бы охотнее. Для порядка Хеми разложил перед собой ламинированные карточки «Правило трёх проверок» — делал их сам, уголки обрезал и ламинировал в два слоя, — и адвокат тут же спросил, можно ли их приобщить к делу как образец методичности. Хеми ответил, что карточки для внутреннего пользования, но готов уступить вторую — с оборотом.

Первым делом на стол легла фотография витрины книжного — та самая, снятая Хлоей через дорогу. Ноа объяснил: выбирал подарок партнёру, сомневался между двумя изданиями, фотографировал, чтобы посоветоваться по телефону, а внутрь не зашёл из-за позднего часа. На вопрос о свете в окне библиотеки пожал плечами: сторож мог перепутать окно, в темноте все окна одинаковые — особенно если не смотреть. Ответ был гладкий, как подкатанный волной камень с набережной, и Хеми уже привык отмечать такие гладкости в блокноте, в отдельной колонке. Красноватую пыль на ботинках адвокат парировал заявлением, что сурик встречается во многих подвалах бухты, а ботинки его клиента за неделю успели побывать во многих подвалах. Тогда Хеми выложил заключение эксперта: на подошвах два слоя, нижний — сурик, верхний — серая пыль с крыльца поместья, и порядок слоёв говорит сам за себя: сначала подвал, потом крыльцо. Эксперт приложил к заключению фотографию подошвы с масштабной линейкой и подпись «порядок слоёв не врёт»; Хеми подумал, что ботинки в этой бухте дают показаний больше, чем некоторые свидетели, — и это после чистки. Ноа разглядывал лист долго, будто надеялся, что бумага передумает, потом признал: заходил накануне днём, со сторожем, который за отдельную плату показывал фонд. Признание вышло тихое, почти вежливое — как извинение пассажира, наступившего на ногу в очереди на паром.

Следом вызвали Теда, и тот давал показания стоя, теребя фуражку: деньги брал, дверь открывал, но гость провёл в библиотеке не десять минут, а больше часа. Время Тед повторил трижды, и Хеми записал дословно, подчеркнув дважды. На вопрос, зачем брал деньги, сторож честно ответил, что фонд надо охранять, а зарплата сторожа охраняется хуже всего. В протокол это занесли дословно: у Теда дословность была формой уважения к правде.

Вечером Билл, вышедший проверить швартовы, увидел над бухтой низкие зимние звёзды, загадал желание раньше срока и никому о нём не рассказал — что не помешало ему занести в журнал ветров и время, и облачность, и лёгкую волну с юга. Желание было про тихую погоду на аукцион, но в журнал его не внесли: погода пусть остаётся сюрпризом. Журнал был честнее человека: в нём ничего не гадали.

Расхождение во времени Хеми зафиксировал отдельным пунктом и перешёл к главному: две редакции каталога расходились в одной строке — у спорной бочки. В редакции аукцион-

ного дома бочка значилась без пометок, в экземпляре Ноа рядом с номером стояла карандашная галочка и пометка «проверить». Ноа объяснил пометку привычкой проверять всё лично, но не смог объяснить, почему накануне уверял, будто каталог даже не открывал. Адвокат попросил перерыв, вернулся через десять минут с заявлением о готовности сотрудничать и назвать печатника репринтов. Воды за это время он выпил две кружки залпом, и Хеми занёс в блокнот: «выдержка есть, жажда тоже». Имя печатника совпало с тем, что назвал Айзек Лоу: мастер уехал на север весной, оставив долги, счёт за краску и запах скипидара в подъезде.

Под подписку с запретом покидать бухту Ноа отпустили. К вечеру Прия из хостела «Причал» позвонила в участок: постоялец с дорогими ботинками вернулся, попросил комнату потише, платит вперёд и спросил, во сколько закрывается кухня. Заодно поинтересовался, можно ли продлить до аукциона. Прия ответила, что можно, если он перестанет ставить свою чашку на её противни, — и попросила всё это официально зафиксировать, потому что с её постояльцами никогда не знаешь, что важнее: показания или противни. Номер такси постоялец записал в блокнот с окантовкой из якорей; Прия разглядела и сообщила, потому что считала своей обязанностью докладывать всё, что видит мимо противней.

Вечером того же дня позвонила Ароха Нгахау из Данидина и сообщила главное: почерковедческая экспертиза подтвердила, что три старые надписи выполнены рукой Молли Квин, а вчерашняя — другой рукой. Элеанор слушала разговор по громкой связи в книжном и спросила, чья рука вышла у вчерашней. Для вывода, ответила Ароха, нужен образец почерка Сары. Сара побледнела, но тут же достала блокнот: диктуйте хоть сейчас, хоть три раза. Ароха продиктовала, Сара написала фразу трижды — к третьему разу уже почти каллиграфически — и отправила снимки тем же вечером. Маргот, наблюдавшая сцену с дивана, заметила, что невиновные обычно спорят и отказываются, а эта согласилась мгновенно. Хеми согласился, но экспертизу оставил в плане: в деле уже был человек, отвечавший гладко и отвечавший неверно.

Ночью Элеанор не спала, перечитывала список из двенадцати имён и вдруг увидела: идут не по алфавиту, а по датам вступления в клуб. Маргот, которой позвонили за полночь, спросонья ответила, что алфавит придумали сытые, а очередь — те, кто ждал свою книгу, после чего повесила трубку и уснула обратно, по слухам, мгновенно. Утром Элеанор сверила даты со скриншотами Прии: совпало всё, до последней строки. Следующей после Молли по очереди значилась Морин Донован.

К дому Морин отправили патруль, но вдова открыла дверь раньше стука, позвала всех на травяной сбор — соседи пришли с кохой: кто с банкой мёда, кто с анекдотом, кто ноты для духового оркестра, репетирующего только по большим праздникам, — и сама показала пустой тайник под половицей. Ящик фонда она передала дальше ещё неделю назад: месяц её хранения истёк, а следующей в очереди шла женщина из Данидина, имя Морин назвала. Имя ничего не сказал даже Элеанор, зато Ароха узнала его сразу: женщина работает в аукционном доме и отвечает за проверку подлинности лотов. Круг замкнулся во второй раз, и Элеанор продиктовала в диктофон, что очередь выстраивается быстрее, чем они успевают её записывать.

О проверке фонда Линда вспомнила сама: узнав про женщину из аукционного дома, она помолчала и достала из сумки папку с цветными ярлыками — проверку решила не откладывать, «пока очередь не занялась проверкой всех подряд». Коха на травяном сборе тут же сменила направление: кто-то поднёс ей мёда, кто-то совет, и она приняла поровну.

После обеда в участок заглянула Лили Чжан — девяти лет, внучка рыбака, главный по честности на прошлом конкурсе — и торжественно вручила Хеми свою рыночную таблицу дегустации. Спросила, судят ли подозреваемых по баллам, и можно ли ей быть в жюри. Хеми серьёзно ответил, что подозреваемых судят присяжные, присяжных должно быть двенадцать, и Лили, подсчитав, вздохнула: значит, без неё ещё одиннадцать человек в бухте найдётся, но лучше позвонить ей первой. Таблицу к делу приобщить не удалось, зато настроение следствию она приобщила. А на прощание получила обещанную карточку «Правило трёх проверок» —

вторую, с оборотом — и унесла в рюкзаке, пообещав завести в школе факультатив по честности.

Заодно днём в книжное заглянул Сэм с межбиблиотечного фургона и поделился маршрутом: тот самый заказ из Данидина — двенадцать томов Нуайо Марш с пометкой «срочно, для партнёра» — утверждён и поедет в пятницу — если, конечно, дорогу опять не перекроют овцы, как на прошлой неделе, — причём в накладной значился адрес букиниста Айзека Лоу. Элеанор записала это в блокнот и подумала, что Нуайо, землячка из Крайстчерча, вряд ли мечтала когда-нибудь стать грузом. Сэм крикнул: по его части, книги — они как пассажиры, только безбилетные всегда признавались раньше. Пятничный рейс он обещал отработать по всем правилам — с накладной, штампом обмена и лёгким недоверием к пометке «срочно».

Вечером в книжном Элеанор раскрыла «Восточный экспресс» на полях третьей главы, где когда-то красовалось «Здесь ложный след» и маленькая улитка. Поставила рядом маркером галочку: след в виде белой суперобложки Ноа оставил бы и без подсказки. Маргот, зашедшая за книгой, посмотрела на это дело и предложила завести общий чат «Третья глава» — скидывать туда только улики, найденные до обеда. Элеанор поставила условие: без мемов. Маргот выставила встречное: один мем про кота в фуражке допустим. Решили, что чат называется «Третья глава», а кот назначается модератором — у него и так всё для этого есть, включая фуражку и независимость. Сара попросила добавить в чат и её — тихо, без мемов и, по возможности, без драм; её тут же назначили хранителем порядка, что всех устроило.

В тот же вечер Сара перечитывала письма Молли и нашла то самое, годовой давности: Молли писала, что ставит завитушку на букве «ю», чтобы буква не скучала. Сара улыбнулась — у сестры даже подпись была тёплая. Теперь завитушка жила в деле как вещественное доказательство, и от этого было неловко, будто сестру вызвали в участок без повода. Сара попросила Хеми, чтобы в материалах её ничего не переклеивали; Хеми пообещал, и это был единственный его ответ за день без единой оговорки.

В «Медном чайнике» Джесс учила нового бариста рисовать на пенке колокольчик — получалось похоже на грушу, но хоки-поки по сезону никто из посетителей не отменял, так что претензий к рисованию не было. Банка фонда выкупа пополнилась рыночной выручкой до четверти нужного, и Джесс наклеила на неё стикер: «до свободы кофейни — три четверти». Бариста спросил, что она будет делать, когда сумма соберётся. Джесс ответила, что тогда наконец узнает, чем люди занимаются по выходным.

Монтируя рыночный выпуск, Хлоя наткнулась на кадр, где Джош чинит фонарик и протирает руки лезвием ножа с якорем. Замедлила, показала Элеанор: так и просится рубрика «инструменты, которые говорят». Дэниел в это время прислал ей смайлик-папоротник, и Хлоя впервые за их историю ответила словом: написала «вижу», стёрла, написала «красиво», стёрла и это, и отправила «вижу». Роман на знаках препинания сделал первый шаг в сторону алфавита — осторожный, как первый покупатель на рынке.

У хостела Джош тем временем менял проводку в фонарях, и счётчик «на катер» пополнился ещё на один процент — чаевые за срочность. Нож Билла с якорем и гравировкой «Держи курс» он после работы протёр по привычке и убрал поглубже: курс он держал уже третий месяц, и, если верить листку у погреба, до цели оставалось ещё больше половины. Билл, заглянувший спросить про погоду, посмотрел на фонари и хмыкнул, что свет теперь горит ровнее, чем совесть некоторых; Джош уточнил, чьих именно, но Билл ушёл в туман, так и не ответив, — в его возрасте загадки разрешено оставлять младшим.

В погребе Маргот полировала отцовский секатор и слушала подкаст про виноделие, ведущий которого с воодушевлением открывал то, что она сама резала тридцать лет в Отаго, — на улице такой крутизны, что дома стояли, как после шторма, а почтальоны вырабатывали икры, достойные памятника. Отец учил её: не дави — слушай. Она тогда порезалась, плакала, а он резюмировал: кровь у винодела — статья расходная. Сейчас секатор лежал в бардачке ближе,

чем аптечка, и Маргот это устраивало: некоторые инструменты возвращаются в руки, когда их ждут, а некоторые из этих рук вообще не выходят.

Перед сном Хеми позвонил наставнику в Окленд — сверить мнение о показаниях, где время троекратно. Наставник выслушал, хмыкнул и посоветовал не путать гладкие ответы с честными: гладкое — это когда человек отвечал быстрее, чем думал. Заодно напомнил, как старейшины в его детстве определяли время по тени, и добавил, что торопиться некуда: очередь тут торопится за всех. Хеми записал в блокнот: «завтра — север», и отметил, что блокнот за неделю стал толще на одну привычку.

Поздно ночью Элеанор надиктовала шестую заметку: слои пыли, две редакции каталога, имя печатника, очередь по датам вступления и женщина из аукционного дома, которая проверяет подлинность — подлинность, вышедшая на проверку сама. Барнаби спал прямо на списке из двенадцати имён, и она списала это на высшую инстанцию: если кот лечит на бумаге, значит, бумага пока безопасна. Последней строкой в заметку легло: следующая в очереди — Морин, а за ней, если верить датам, кто-то, чьё имя им ещё предстоит услышать. Диктофон щёлкнул, и в тишине книжного на секунду показалось, что звякнул колокольчик, — но это был только Барнаби, перекатившийся с имени на имя.

Глава 8 — секатор отца

По дороге в Отаго, куда Маргот согласилась ехать ради встречи с молодым виноделом из фермерской школы, пикап дважды останавливали овцы — переходили трассу с достоинством хозяев этих мест, не торопясь и не извиняясь. Маргот сигналила, овцы смотрели сквозь машину, и Элеанор прошептала, что так ведут себя комментаторы в прямом эфире: пауза важнее содержания. Сара смотрела в окно, прижимая к коленям корзину для веток, и в её глазах было что-то похожее на надежду — осторожную, как первый лёд. На одной остановке Сара купила в придорожной лавке открытку с видом на снежные пики и, вернувшись в машину, написала её сестре: «Вижу горы — ты бы шутила, что они стоят навтыжку». Отправить открытку было некому, но Сара уже месяц покупала их по одной и складывала в бардачок, как недописанный разговор. Продавщица на кассе одобрила выбор: пики в этом году особенно синие. Пикап пах кожей, шерстью и шоколадной крошкой от утренних маффинов. В бардачке лежал отцовский секатор, завёрнутый в тряпку; на остановке, пока овцы совещались, Маргот достала его и проверила клеймо. Двенадцать лет ей было, когда отец впервые вложил ей секатор в руку и сказал: «Инструмент — это продолжение руки». Она тогда не поняла, а рука, что характерно, поняла сразу.

Винодела звали Томас, ему исполнилось двадцать три, и руки у него были настолько обветренные, что Маргот признала в нём своего ещё от забора. Встретил он их у сарая с кружкой «лучший винодел», которую, судя по лицу, подарил себе сам — и не пожалел. Как выяснилось, Томас вёл тайный блог о винограде в стиле дневника капитана: «штиль, лоза спит», «юго-запад, коварные сорняки». Читал он блог вслух только овцам, а теперь впервые — людям, и волновался сильнее, чем на экзамене по сусам. Маргот пообещала подписаться, если он перестанет называть черенки «маленькими детьми», и, не дожидаясь согласия, достала секатор, показала клеймо и рассказала, что этим инструментом обрезаны её первые розы и последняя лоза отца. Дальше начался урок: Томас пробовал срезы на тренировочных ветках, задавал короткие точные вопросы, а Маргот одним движением пальца поправляла угол его руки — так, как поправляют не позу, а судьбу. Заходил разговор и о сортах: в Отаго королём числился пинотуар, и Томас объяснял, почему капризная лоза любит здесь утренние заморозки, — «строгая порода для строгого климата», — а Маргот переводила его поэзию на язык агрономии. Ветки падали в корзину, Сара складывала их по размеру, и её пальцы слегка дрожали: она думала о сестре, о записке «Ты следующая», и ей хотелось, чтобы Молли это как-нибудь услышала.

С табурета у сарая за всем этим наблюдала Элеанор, записывая реплики для подкаста; к концу часа в блокноте родился заголовок «Как секатор стал терапевтом», и она впервые за месяц пожалела, что эфир длится сорок минут. Овцы у забора слушали урок тоже — по крайней мере, жевали в такт. Маргот, которую в бухте считали тараном, оказалась лучшим учителем на всём восточном побережье — она объясняла лозу так, будто извинялась перед ней за наше незнание. Сара вдруг спросила, почему Маргот тридцать лет не приезжала домой. Ответ занял три ветки: поссорилась с отцом из-за продажи фермы застройщикам и поклялась вернуться только с собственным виноградом. Через десять лет виноград был, отца уже не стало, а ехать на могилу с победой она не захотела — победа без свидетелей горчит, как недозрелая кумара. Потом Томас робко добавил, что в фермерской школе рассказывают легенду про деда Маргот, который в шестидесятых во время наводнения перевязал лозы в подобие спасательного круга, — его там зовут «первым виноделом-спасателем», и не добавить ли это в школьный буклет, с фото секатора. Сара слушала молча, а потом призналась, что понимает Маргот лучше, чем та думает: сама она приехала к сестре с опозданием на три месяца, и опоздание это теперь живёт у неё в сумке. Обеих по очереди обняла Элеанор и объявила перерыв на напиток из фляжки Джесс, в которой всегда было место чуду и одной запасной кружке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.